

Гарри Поттер размышлял о жизни, сидя в своем прекрасно оборудованном кабинете в родовом поместье. Время от времени он отпивал глоток из бокала с огненным виски, который держал в руке, глядя в огонь перед собой.

Только сегодня он начал утро с конфронтации со своей бывшей подругой Гермионой Грейнджер. Ну, «конфронтация» - это еще мягко сказано; скорее, это была пылающая ссора, чем что-либо еще.

Гарри подумал, что хорошо, что в двери его кабинета был встроен глушитель, автоматически отключающий все звуки, как только двери закрываются. Если бы это был маггловский кабинет, весь этаж мог бы услышать вопли этой гарпии, в этом Гарри был уверен. Однако в ушах Гарри до сих пор звенело от её голоса.

Она всегда была такой пронзительной, подумал Гарри, или жизнь с матриархом Уизли и её мужем-болтуном улучшила её способность кричать?

Гарри немного позабавило, что Гермиона Грейнджер сидит с Молли Уизли в одной из акустических комнат и занимается вокалом, а Молли то и дело прерывает ее советами («Нет-нет, дорогая, ты должна модулировать свои „А“ вот так... добавь немного больше отрывистости в имя...»), но потом он протрезвел и вернулся к теме разговора.

Закон о защите магических детей Гарри Поттера, или, как он любил его называть, ЗМДЗМ (он все еще привыкал к тому, что его имя ассоциируется с гораздо менее важными законодательными актами), был важной частью его планов в отношении мира волшебников.

Это была дикая идея, придуманная двумя потерянными шестнадцатилетними бывшими школьными соперниками, которые действительно чувствовали на своих плечах давление мира, хотя и по разным причинам, и которые решили напиться хотя бы раз, чтобы забыться. Забыть о том горьком соперничестве, которое их когда-то связывало, о том, что они оба были пешками в противоборствующих сторонах войны, которая на самом деле велась между двумя горькими манипулирующими стариками, которым давно пора было умереть, войны, которая никогда не закончится, пока жив один из этих стариков, войны, которая, возможно, навсегда положит конец существованию волшебного мира.

Никто из них и представить себе не мог, что их пьяные бредни кого-то заинтересуют, и уж тем более, что этот кто-то сможет составить из них стройный план.

Впрочем, если учесть, что этот же человек совершил невозможное и успешно обманул смерть почти семьсот лет назад, да и сейчас продолжает это делать, то удивляться не приходится.

Он определенно далеко продвинулся в своей жизни. Он уже не был тем одиннадцатилетним широкоглазым ребенком, который видел в Хогвартсе убежище от жестоких родственников, и

не был тем наивным пятнадцатилетним подростком, который видел мир только в черно-белых тонах и был уверен, что Дамблдор всегда прав.

Гарри точно помнил, когда для него все изменилось. Тот самый момент, когда он перестал быть пешкой Дамблдора и наконец увидел мир таким, какой он есть, и что нужно делать;

2003

Шрам Гарри разорвался, и он понял, что умер: боль была невообразимой, невыносимой.

Его не было в зале, он был заперт в объятиях существа с красными глазами, связанного так крепко, что Гарри не знал, где кончается его тело и начинается тело существа: они были слиты воедино, связаны болью, и не было никакого выхода...

И когда существо заговорило, оно использовало рот Гарри, так что в агонии он почувствовал, что его челюсть двигается...

Убей меня, Дамблдор...

Ослепленный и умирающий, каждой своей частью кричащий об освобождении, Гарри почувствовал, как существо снова использует его...

Если смерть - это ничто, Дамблдор, убей мальчика...

Пусть боль прекратится, подумал Гарри... пусть он убьет нас... покончите с этим, Дамблдор... смерть - ничто по сравнению с этим...

И я снова увижу Сириуса...

И по мере того, как сердце Гарри наполнялось эмоциями, путы существа ослабевали, боль постепенно уменьшалась. Опираясь на поддержку, Гарри поднажал... Он подумал о своих родителях, о том, как они с предсмертным вздохом пытались спасти его, о том, как они, даже находясь за гранью могилы, сделали то же самое много лет спустя.

Он снова подумал о Сириусе, о том, как тот предложил Гарри шанс навсегда уехать от Дурслей, шанс на новую жизнь и связь с умершими родителями, и чувство в нём разгорелось.

В это же время в Отделе тайн, не подозревая об оставшихся там бойцах, запертая дверь вдруг ярко засветилась по краям, наполнив входную комнату интенсивным, но успокаивающим светом.

Существо внезапно отпустило Гарри, и он почувствовал сильный прилив эмоций, которые маленькая часть его сознания распознала как любовь. Затем Гарри оказался в пустоте, наполненной бурлящей белой силой. Перед ним была чёрная масса, окружённая зелёной и красной силой.

Темное присутствие - фрагмент души Волан-де-Морта, который был запечатлен в шраме Гарри, - сдерживалось при помощи заклęcia Светлой крови, которое Лили Поттер наложила на своего сына. Однако, как и все виды мощной старой магии (тёмной или светлой), эта защита была основана на сильной эмоции, которой в данном случае была любовь.

К сожалению, Дамблдор нечаянно ослабил эту защиту, когда, не до конца понимая её природу, поместил Гарри в дом, где его в худшем случае ненавидели, а в лучшем - относились к нему с холодным безразличием. Поскольку эти эмоции были противоположны Любви, кровная защита ослабла совсем незначительно. Этого оказалось достаточно, чтобы фрагмент души установил магическую связь с Гарри.

В конце концов, именно благодаря этому Гарри мог говорить на парселтанге, а также владеть палочкой, которая была братом Волдеморта.

После того как Волдеморт использовал кровь Гарри, чтобы вернуть себе тело, эта связь еще больше ослабла. Таким образом, связь между фрагментом души и Гарри стала немного сильнее.

Однако по иронии судьбы, использовав кровь Гарри, Волдеморт стал своего рода крестражем Гарри.

Когда Волдеморт был одержим кровью, защита от крови на время спала, так как, не зная о том, что Волдеморту удалось соединить свою искалеченную душу с фрагментом в шраме Гарри. Однако им это не удалось, так как Гарри вытолкнул Волдеморта.

Если бы Гарри остановился в этот момент, защитные механизмы были бы восстановлены с помощью силы, которую он получил в Любовной комнате, и его собственной магии.

Но всё это было неизвестно Гарри, который смотрел на чёрную массу. Он чувствовал исходящую от неё силу, зловещую и в то же время странно пьянящую. Он не знал, сколько времени простоял, глядя на неё, - несколько секунд, часов, дней или десятилетий? Казалось, время остановилось, пока он смотрел на то, что было перед ним, прежде чем протянуть руку... навсегда изменив ход развития мира волшебников.